

*О второй половине войны рассказывают
обычно больше и охотнее. Но мы не должны
забывать 41-й, если хотим о войне знать
всю правду.*

Константин Симонов.

В ИЮНЕ СОРОК ПЕРВОГО

1987

Евдокимов Сергей Гаврилович
3-я батарея, 2-го дивизиона 253 гап 141 сд

**348-ой артиллерийский (пушечный) и
253-й гаубичный артиллерийский полки
141-ой стрелковой дивизии в июне 41-го.**

10 февраля 1985 года в городе Куйбышеве скорпостижно скончался мой очень близкий друг Виктор Сергеевич Яблонский, полковник в отставке, а я в это время лежал в больнице в Алма-Ате, и мне стало понятно, что надо торопиться. У меня собралось некоторое количество материала по своим воспоминаниям, по рассказам товарищей, служивших в разных полках 141 СД. Можно было бы собрать и больше сведений об этом, но время не терпит.

Кроме того, у меня использованы воспоминания маршала Баграмяна «Как начиналась война» и «Исторический очерк» Анфилова В.А.

Мне очень хотелось изложить все именно так, как оно и было, не приукрашивая и не выдумывая чего-либо лишнего. Не знаю, насколько это получилось. Каждый из очевидцев видел только то, что было вокруг него. Ну, и каждый видел всё же по-своему.

Из разговоров с ветеранами-очевидцами стало понятно, что говорить о первых днях войны всем трудно. Почти все стараются обойти эти тяжкие воспоминания. И естественно: все были как-то причастны к поражениям и неразберихе первых дней. Да, мы теперь знаем, были крупные стратегические причины. Но все это было выше и далеко от нас, непосредственных участников и исполнителей; мы об этом не думали, да и знать тогда не могли. А личное участие оставшихся в живых, теперешних ветеранов, было обычным, не героическим, чаще всего неудачным, ничего приятного собой не представляющим. Нет, конечно, героическое, описанное в лучших произведениях и могло быть и бывало в действительности. Но общее поражение и общая неудача всегда складываются из множества отдельных, даже личных поражений и неудач. Это и помнят подавляющее большинство ветеранов.

Сначала тактическая обстановка тех дней, как я её себе представил.

Там, на дорогах Западной Украины, в июне сорок первого десятки тысяч воинов оказались разобщены, почти никем не руководимыми. В трудном положении был тогда штаб Юго-Западного фронта, даже ему не всегда и не вовремя удавалось оценить обстановку. А сержанты и рядовые видели только окружавшее их, и оно очень походило на позорное бегство. Но это было совсем другое. В прочитанных книгах не было описано того, в чем участвовали сержанты - встретившиеся после войны друзья и многие тысячи других красноармейцев и командиров. Это было тогда одним из уроков, из которых составилась воинский опыт, приведший к Победе вместе с оружием, выкованным в тылу. Урок, стоивший много трудов, пота и крови, нельзя забывать ни трудов этих, ни крови, ни погибших воинов.

Теперь известно, что перед войной было проведено много работ по военно-инженерной подготовке западной приграничной полосы. Накануне войны войска прикрытия границы находились в гарнизонах и лагерях на удалении 120-150 километров. Граница охранялась лишь немногочисленными приграничными отрядами. Военный совет Киевского военного округа в начале июня принял решение о вводе в предполье некоторых подразделений укреп. районов и нескольких полков армии прикрытия, что значительно повышало боевую готовность. Однако об этом решении узнал Берия. Мероприятие было

расценено как провокационное. Командующему округом пришлось отменить приказ и эти войска отвести в тыл...

Можно только предполагать, что накануне войны командующий округом генерал-полковник Кирпонос М.П. и командующий 6-ой армией, прикрывающей границу на Рава-Русском, Львовском направлении, генерал-лейтенант Музыченко И.Н., хорошо понимая друг друга, по возможности старались удерживать отдельные подразделения тут и там в приграничной полосе, используя различные обстоятельства и скрывая это ото всех и вся.

В первые часы войны пограничники на всем протяжении Перемышльского и Рава-Русского участков героически удерживали свои позиции против во много раз превосходящего противника, и только в некоторых местах фашистам удалось занять часть окопов и полевые укрепления нашего предполья, так как в них еще не было войск прикрытия границы. Только в середине дня двадцать второго июня наши стрелковые полки, поддерживаемые огнем дотов, заняли заранее подготовленные полевые укрепления. Гитлеровцев отбросили на исходные позиции. В следующие дни немецкое командование вводило все новые и новые войска. Против обороняющейся дивизии наступало пять вражеских пехотных дивизий. Они были подкреплены танками и имели достаточно много авиации, которая полностью распоряжалась воздушным пространством над полем боя. Пикировщики не раз расстраивали ряды обороняющихся, наносили им значительный урон. «Рама» то и дело «висела» в небе, и трудно было укрыться от ее великолепной оптики. По дотам немцы били прямой наводкой из крупнокалиберных пушек, но доты выдерживали прямое нападение тяжелого снаряда, вновь и вновь оживали. Некоторые все же были блокированы, два выжжены огнеметными танками. Гитлеровцы не раз врываются в наши окопы. Завязывались рукопашные бои, фашисты их обычно не выдерживали. Вклинившихся немцев выбивали контратаками. За несколько дней продвинулись вражеские войска совсем немного.

Перед самой войной, 15-го июня штаб командования военного округа, наконец, смог отдать приказ своим стрелковым корпусам второго эшелона начать выдвижение в приграничные районы. Кто знает, может быть лучше бы им оставаться на месте? Война застала их на марше. Связь со штабом Юго-Западного фронта, между соседними частями и даже внутри частей оказалась совершенно ненадежной, и они стали почти неуправляемыми, потеряли друг друга на дорогах Западной Украины. Южнее линии Сокаль - Броды - Шепетовка все дороги были заполнены этими войсками.

Севернее той же линии уже продвигались танковые и механизированные дивизии немецкого генерала Клейста. Они вошли 22-го июня в разрыв между нашими 6-ой и 5-ой армиями, где в полосе более 50 км не построены были еще приграничные укрепления и почти не было наших войск. В описываемые дни эти танки и мех. дивизии стали южной колонной гитлеровских войск, стремительно рвавшихся в направлении Дубно, Шепетовка и далее Житомир, Киев. Несколько наших механизированных корпусов вели героические бои с прорвавшимся противником. Происходило величайшее танковое сражение, в котором участвовало с двух сторон около полутора тысячи танков. И не вина наших отважно дравшихся танкистов от рядовых водителей до генералов, что не удалось окружить и уничтожить прорвавшихся. Более всего виной тому можно считать отсутствие надежной связи и управления. Продвижение гитлеровцев было задержано здесь на восемь дней и это стало большим вкладом в срыв блицкрига.

На флангах танковых дивизий немцев обычно действовали охранные отряды автоматчиков.

В наших, потерявших связь войсках второго эшелона, командиры, вплоть до командиров орудий, решали насущные вопросы войны по своему разумению, на свой страх и риск. Некоторые из них сталкивались с отрядами автоматчиков соединений Клейста. Вспыхивали отдельные бои. Все искали свои штабы, своих командиров, хоть

какой-то организации и управления. С воздуха их обстреливали и бомбили мессершмидты и юнкерсы. Местами дожди делали труднопроходимыми черноземные дороги Украины. Разброд и растерянность с каждым днем все увеличивались. Они двигались сначала на Тарнополь, где был штаб ЮЗФ, а позже штаб 6-ой армии, потом просто на восток. Тем более, сто после 27 июня в них стали вливаться отступающие войска, когда по приказу штаба фронта начали отходить соединения 6 и 12 армии первого эшелона прикрытия, до тех пор успешно державшие границу против в пять раз и более превосходивших их гитлеровцев.

Много лет спустя маршал Баграмян в своих воспоминаниях написал несколько строк о том, что побывавшие в войсках офицеры связи докладывали, как по дорогам под непрерывающейся бомбежкой упорно продвигаются на восток колонны наших солдат и обозы. А по обочинам вместе с ними течет поток беженцев. Их многие тысячи. Особенно драматичны картины у переправ...

Он был тогда начальником оперативного отдела штаба ЮЗФ. Основным возможным средством управления войсками для штаба в те дни служили офицеры связи. Никто больше не писал ни слова об этом неуправляемом движении на дорогах в первые дни войны. Может быть, об этом не сохранилось документов или это вовсе не попало в них. Но еще живут некоторые бойцы и командиры, бывшие там, и они помнят.

Они не бежали от боя - они искали управления, связи, жаждали организованного боя. Но были слабы технические средства связи, их было мало, а вся организация этих средств стратегически в предвоенное время была направлена, приспособлена только к успешному наступательному действию. Никто не смел думать иначе. Неудача, отступление, временное поражение ни в коем случае не предусматривались. Кроме того, немцы приложили много усилий к специальным действиям, нарушающим связь в наших войсках...

348 АП

141-ая стрелковая дивизия входила в один из корпусов второго эшелона прикрытия границы. Ее 348-ой арт. полк, вооруженный 76 мм пушками, выходил походной колонной из Шепетовки 17-го июня, сказали - на маневры. Командир 4-ой батареи, старший лейтенант Воронцов вызвал к себе командиров:

- Двигаться приказываю только ночью, скрыто, без лишнего шума, закуривать, укрывая огонь. Криков, громких разговоров не допускать. На светлое время будем укрываться в лесах, населенные пункты проходить только ночью. И там, смотрите, чтобы совсем тихо!

- Товарищ старший лейтенант, разрешите спросить?

- Спрашивайте.

- Как же мы будем управляться на маневрах? У нас в каждом расчете не хватает по три, четыре человека.

- Вы знаете, что они отправлены на государственно важные работы по укреплению границы. А что Вы стали бы делать на войне, если бы у Вас вышла из строя часть расчета?

- Необходимо перераспределить обязанности.

- Верно. Вот и перераспределите.

В воскресенье днем отдыхали в лесу. После обеда прискакал посыльный с пакетом.

- Ребята, похоже, война! Над Шепетовкой самолеты какие-то. Высоко, высоко! Зенитки стреляют. Меня разбудили, с пакетом сюда отправили: «Скачи, как можешь! Смотри только коня не загони».

Верно, война! Никакой скрытности и тишины, полным ходом вперед. Отдыхать будем ночью. Всех средних командиров вызвали к командиру полка, майору Гонтарю.

Командиры орудий сержанты Лукьянов и Яблонский, как и многие другие командиры отделений полка, в прошлом году окончили школу младших командиров в Шепетовке. Они слышали, что полк их сформирован недавно, а Гонтарь тогда же произведен из капитанов. Майору было лет тридцать пять, у него была молодая красавица жена. И командир взвода, и командир батареи тоже недавно женились. Женщины скучали в этой Шепетовке и любили в субботу вечером потанцевать в ДК с сержантами, если мужьям было некогда, а это случалось часто. Молодые, призванные полтора года назад из московских ВУЗов сержанты, нравились молоденьким женам: говорили они интересно, были интеллигентны, вежливы и хорошо танцевали.

Но теперь не до танцев. Что там впереди? Когда все это кончится? Политая недавним дождем дорога не пылила, сытые кони шли рысью.

Виктор, привычно облекаясь, ехал на своем Жоме рядом с орудием. К нему подъехал сержант Лукьянов.

- Помнишь, Виктор, ходили с тобой в прошлом году фотографироваться?

- Конечно, помню. Мы тогда только что треугольники нацепили и радовались. Помнишь, о чем говорили?

- И не только говорили. Мне и во сне не раз снилось, как в институт вернулся. Ты готовишься сдавать на младшего лейтенанта запаса? На целый год раньше можешь вернуться.

- Конечно, готовлюсь, как же иначе? А теперь война...

- Ну, наверное, это недолго!

Вспомнилась шепетовская школа, набранная вся из таких же студентов. Они родились в 21-ом, в 39-ом окончили десятилетку и, приехав из разных городов, поступили в московские ВУЗы - технические, театральные, художественные. 1-го сентября началась вторая мировая война. 5-го появился указ о призыве всех мужчин 21-го года рождения, окончивших десять классов. Так их, мальчишек, которым не всем еще исполнилось восемнадцать, первый раз назвали мужчинами и призвали служить Родине. Они это не очень еще понимали тогда.

В конце октября из Москвы отправился эшелон с 200-ми такими призывниками и 1-го ноября он прибыл на станцию Славута, что в сорока километрах за Шепетовкой. Сделали из них школу младших командиров 348 арт. полка.

Вспоминали второй огневой взвод. Веселый они были народ. Служил во взводе Женька Жаров - долговязый, неказистый и остроумный заводила. Три раза в день ходили строем на конюшню чистить, поить и кормить лошадей и пели, как строевые, разные, понынешнему модные песни вроде утесовского «Извозчика» («Наши годы длинные, мы друзья старинные») или «Катя, Катюша, купеческая дочь...» Пели и революционные, и о гражданской войне, пели «Если завтра война» и с гордостью, если не думали, то чувствовали, что уже имеем к этому какое-то отношение. Когда полк ушел на финскую, часто ходили в караул охранять военные склады. Да грызли разные военные премудрости, пушки свои чистили. Однажды школа получила новые пушки Тф-22 с длинным стволом, разводными станинами и на больших резиновых колесах. Молодые, развитые и хорошо образованные курсанты очень скоро овладели новым орудием и в три-четыре раза быстрее приводили его в боевую готовность. Раз за разом звенел полуавтоматический замок. Потом эту пушку модернизировали и получившаяся ЗИС-3 хорошо служила всю войну. Теперь в городе Алма-Ата у парка Панфиловцев на гранитных постаментах стоят две такие пушки в память о Великой войне, и вокруг них играют дети. А тогда занятий и тренировок было много, уставали за день. Гоняли их и в хвост и в гриву, чтобы потом в бою было легче, и спали они как убитые ночью и еще час после обеда. Спали пока что на чистых простынях, подушках и под одеялами и о войне совсем не думали. Вечером в

свободное время пели «Сулико» и по-русски и по-грузински: «Сада канчемо́р Сулико». Во взводе было два грузина.

До службы, дома, Виктор зачитывался книгами, любил серьезную музыку, любил ходить в театр, а танцевать так и не научился. Когда многие курсанты ходили в ДК, писал письма, вспоминал свои мечты об институте, о Москве и совсем не думал, что всю жизнь будет служить в армии.

В сороковом школу передислоцировали в Шепетовку, а летом они нацепили по одному, два треугольника и стали служить в соседних, 348 пушечном и 253 гаубичном артиллерийских полках 141-й стрелковой дивизии. После окончания службы собирались вернуться в свои институты. Последние полгода многие усиленно готовились к экзаменам на младшего лейтенанта запаса...

Послышался гул моторов. От батареи к батарее передали команду: «Воздух! Рассредоточиться!» Шестерки лошадей с орудиями стали разъезжаться в стороны прямо по колосющейся пшенице. Рев моторов, пулеметные очереди, взрывы бомб и дико скачущий по полю Жом. Еще долго и противно воющий где-то высоко в небе осколок и мелкий липкий страх. Жалобное ржание раненой лошади. Так запомнилось первое нападение с воздуха. Много их было потом, и к ним все же применились. Научились на марше держаться сосредоточенно, быстрее находили укрытие, не терялись от страха. Но как досаждали эти мессеры и юнкеры!

А мессеры зашли еще раз, их было всего два, еще раз обстреляли мечущихся лошадей и с трудом удерживающих их красноармейцев. Грохот и страх, убитая лошадь, а раненую пришлось пристрелить. Потом в ближнем леске хоронили ездового Каримова, могилу копали. Перевязывали и отправляли в тыл раненых. Сержанты уже не видели красоты соснового бора, было уже не ласково греющее солнышко, а злой палящий зной и грязный пот. Танцы с молоденькими и хорошенькими остались где-то в далекой прошлой недосыгаемости. Провозились долго, весь полк укрылся в лесу.

Шли походным маршем уже несколько дней. Вечером останавливались, приезжала кухня и призывное позванивание овалных котелков собирало рядовых и сержантов, усталых и проголодавшихся.

- Сегодня три ишачка с мессером сошлись. Крутился он, вертелся около них! Но видно не на таких напал, так и ушел, гад: скорость у него. Ишачки погнались было, да где уж там?!

- А видел, как сбили мессера? Летчик спустился на парашюте. Привели его. Гордый такой, смотреть ни на кого не хочет. Прошкин, жалостливый мужичок: «Голодный, поди?» Кухня к ним пришла как раз Сует ему котелок с кашей. Дак тот и глазом не повел, мать его так!

- Ишь ты! Может, фон барон какой?.. А что там впереди, куда мы едем? Слышал что-нибудь?

- Ничего не слышал. Куда-то наши командиры подевались. Вперед, наверное, поехали, в обстановке разбираться. Вот приедут, все, что надо скажут.

- Много-то не скажут: не положено.

- Ничего. Скомандуют, и будешь делать, как положено.

- Да уж, приучены в мирное время, а теперь сам бог велел.

- А ты, Камышин, в бога веришь?

- Кто в его теперь верит? А всё так-то сказать ловчее.

Ночью спали. Тихо было кругом, как в летних лагерях, только палаток не было. Но много ль солдату надо: под голову котелок, он удобный, с выемкой, шинельку под себя, ей же укрылся и спи себе под сосной.

Сержант Яблонский не мог уснуть сразу. Совсем молодой, ему еще не исполнилось двадцати, Виктор не привык к ответственности за рядовых даже своего оружийного

расчета, чаще полагался на помкомвзвода, старшего сержанта. Тот родился раньше на пять лет, имел семиклассное образование, но был опытен и с удовольствием распоряжался взводом. Во взводе его побаивались и привыкли подчиняться еще в предвоенное время. Старший сержант жил с красноармейцами в казарме, и вся жизнь взвода проходила у него на виду. Он управлял и был фактическим хозяином во взводе. И в походе с началом войны не растерялся, отсутствие командира взвода было привычно и не очень смущало...

Первый бой произошел у Яблоновки, что километрах в сорока северо-западнее Золочева. Это где-то в тех же местах, где был первый и последний бой третьей батареей второго дивизиона гаубичного полка, да приблизительно в тот же день. (См. ниже).

Батарея двигалась по указанному направлению. Кто указал направление, и кто командовал батареей, Виктор Сергеевич через сорок лет вспомнить не мог. Впереди шла стрелковая рота далеко не полного состава. На развилке дороги рота пошла влево, и за ней потянулась батарея. Скомандовали: «Стой!» Кто-то проскакал вперед. Выяснилось, что надо вправо. По краю дороги протопала обратно пехота и, развернувшись за ней, повел сове орудие Яблонский, оказавшись теперь первым в батарее. Метрах в трехстах дорога уходила за большой сосновый бор, темнеющий слева. Густо зеленело большое картофельное поле. День клонился к концу, хотя летнее солнце стояло высоко и еще припекало. Виктор надвинул пилотку на лоб, прикрываясь от слепящих лучей. Он устал от мотания по дорогам, от бомбежек и обстрелов с воздуха, хотя научился быстро укрываться и укладывать рядом Жома. Сейчас между орудием и пехотой никого не было, и сержант угрюмо смотрел вперед. Где-то за лесом село Яблоновка, а за ней противник. Но все произошло совсем не так, как предполагалось.

На подходе к лесу роту обстреляли автоматчики. Кто-то, вскинув руки, упал там, впереди, другие не то попадали, не то залегли. Красноармейцы роты, пригибаясь и бегом стали разворачиваться в цепь и отстреливаться.

«Вот оно», - скорее почувствовал, чем подумал Виктор. Орудие остановилось, расчет смотрел на него, и сержант, пожалуй, первый раз понял по настоящему, что он командир орудия. Порядок необходимых действий и команд Яблонский знал отлично, и они звучали одна за другой. Расчет действовал быстро и привычно. Все было давно знакомо, но теперь имело совсем другую окраску. Автоматно-ружейная перестрелка приближалась. Остальные орудия батареи ехали по гати и не могли съехать в сторону с дороги, чтобы развернуться. Стрелять вперед им мешало четвертое орудие. Перед этим орудием гать кончилась, и по команде сержанта оно легко развернулось, уже закрывался замок за патроном.

Автоматчики перебежками наседали на растерявшуюся от неожиданности пехоту. Командир роты, по-видимому, погиб при первых же выстрелах: он шел впереди. Красноармейцы ложились, стреляли, отбегали назад и снова стреляли, но не могли закрепиться за картофельными кочками. Окопаться им не давали наступающие автоматчики. Пули взвизгивали и здесь, над пушкой. Командир орудия опустился на колено в кювете дороги и командовал. Осколочные снаряды рвались иногда между автоматчиками и заставляли их ложиться, внося урон в их ряды, но иногда рикошетили и рвались бесполезно в лесу. Раз увидел Яблонский, как разрыв снаряда перевернул пулемет на сошках, как прижались к земле фашисты. «Ага», - подумал он и почувствовал так необходимую ему уверенность. Но они поднялись в своих будто рогатых касках и настойчиво, уверенно продолжали двигаться вперед, а наши пехотинцы все больше разбежались в стороны, к дороге и за дорогу. По-видимому, командовать ими было некому. Уже не видно ни одного красноармейца между пушкой и автоматчиками. Фашисты бегут на батарею, приставив к животам автоматы. Это было страшно. Но все же сержант вспомнил, что нужно делать:

- Шрапнелью! На картечь! Заряжающий, быстро! Беглый огонь!

Заряжающий отбросил верхний ящик со снарядами, схватил, что нужно... Но как медленно! А автоматчики бегут, осталось уже метров семьдесят... пятьдесят.

Резкий выстрел пушки, оглушающий уши. Характерное кипение и визг шариков-пуль картечи. Немцы залегли. Еще выстрел, еще. Пятятся автоматчики, бегут. Ложатся при выстрелах и снова убегают. Вот уж и стрелять бесполезно: враг отошел в лес.

«Артиллерия - это сила!» - слышит Виктор голос заряжающего, одновременно выполняющего обязанности замкового. «Да, это сила!» - думает Яблонский. Так думают все на батарее. И вражеские автоматчики поняли силу артиллерии, их не было ни видно, ни слышно.

- Отбой! На передки! - и батарея рысью покатила обратно по дороге. Наступать на Яблоновку без пехоты невозможно. Тем не менее, батарейцы чувствовали себя победителями. Особенно командир четвертого орудия Виктор Яблонский горел весь внутри. Он не думал о своей заслуге, но был горд за свой расчет, за мощь артиллерии.

- На картечь не пойдешь! - слышались обрывки разговора, сидевших на передке.

Приходилось еще стрелять, но хорошо запомнился только первый бой. И очень хорошо, что он оказался удачным, что артиллеристы чувствовали себя победителями. Они теперь практически убедились в возможности побеждать, поверили в свои силы, в мощь своего оружия. Очень важно, что это случилось сразу же, в первом бою.

Вскоре батарея двигалась уже по шоссе на Тарнополь. Держались вместе три орудия. Одна пушка вышла из строя при бомбежке, пришлось ее бросить. Оттащили в сторону от дороги, посмотрели на прощанье. Много было вложено труда и забот, пушки блестели чистотой и маслом, все механизмы работали у них безотказно. Все убедились, что это грозное и надежное орудие. Трудно было бросать, но тащить ее оказалось невозможным. Где мастерские полкового боепитания? Где сам полк? Даже дивизион? Где-то они есть, но никакой связи с ними, и даже приблизительно никто не знает, где их искать. Все едут в Тарнополь, говорят, там штаб армии, а может даже фронта.

На окраинах улиц города скопилось много войск, а дальше в город их еще больше. Остановились на боковой улочке, где вроде бы потише. Командир батареи поехал искать штаб. Освободили упряжь, дали коням овса, благо он был еще. Коней берегли пуше глаза.

- Где ты, Савостин, был? Давеча спрашивал тебя старший лейтенант.

- Где был, там уж нет. Вы ехали себе потихоньку, а я овса мешок припас. Наш-то скоро кончается.

- Где ж ты добыл его?

- А ты видел бричку с разбитым колесом и кони лежат?

- Видел. Одной бомбой их всех.

- Так там и овес был. Пропадать ему что ли?

Послышался гул моторов, все пришло в движение. Срочно подтягивали подпруги, снимали с лошадиных морд торбы с овсом. Лошади беспокойно ржали. Проезжавшие по улице автомобили с красноармейцами остановились, люди с них соскочили, стали разбегаться. Бомбардировщики заходили на этот квартал. Соседство с автомобилями показалось совсем невыгодным, ездové вскочили на своих коней. Орудия с места галопом стали разъезжаться, номера на ходу вскакивали на свои передки. Взрывы бомб, удесyтеренные отражениями от домов, мечущиеся в поисках укрытия люди, скачущие шестерки лошадей, ездové на этих лошадях, неистово погоняющие их, обезумевших от звуков и толчков уплотненного взрыва́ми воздуха.

Но ушли бомбардировщики и понемногу стали возвращаться обыкновенные звуки улицы. Процокал спокойной рысью верховой, затарахтела бричка. Разрушений и жертв почти не было. Загорелся дом, убило лошадь - это мало кого волновало. Во время бомбежки казалось, что все рушится, и нет укрытия, и такие пустяки не шли в сравнение с только что пережитой и казавшейся адом бомбежкой в городе.

На одной из тех же окраинных улиц орудие приводило себя в порядок после дикой скачки из-под бомбежки. Сержант Яблонский отдал ездовому коня и пошел на встречу озабоченно идущему командиру в фуражке с черным околышем.

- Товарищ старший лейтенант, разрешите обратиться?

- Обращайтесь, - остановился он, несколько подтянувшись.

- Наш командир батареи, старший лейтенант Воронцов, поехал в штаб. Но его долго нет. Теперь, после бомбежки, мы и друг друга найти не можем, орудия орудия тоже найти не могут. Не скажете ли вы, где этот штаб, и что нам делать?

- Штаба в Тарнополе нет, надо ехать через Збараж в Волочиск. Видите вдали двухэтажный дом? Не доезжая его, поверните налево, и та улица вскоре выйдет на дорогу в Збараж. А не видели вы здесь батарею сорокапятков?

- Нет, не видел. Разрешите идти?

- Идите.

По дороге на Збараж двигалась та же неуправляемая смесь войск и беженцев. Были и артиллерийские орудия разных систем и калибров, но своих встретить не удалось. Недалеко от Збаража Виктор увидел группу командиров. Среди них стоял высокий генерал и, как показалось издали, отчитывал окружающих его. Командиры почти одновременно приложили руку к козырьку, повернулись и побежали к дороге, к потоку двигавшихся войск. Один из них подбежал к Виктору.

- Кто командует орудием?

- Я, товарищ капитан, сержант Яблонский, - и он лихо приложил руку к козырьку.

- Где ваш командир батареи? Кому вы подчиняетесь?

- В Тарнополе во время бомбежки, товарищ капитан, все орудия растерялись на улицах, а командир батареи еще раньше уехал в штаб. Где он сейчас я не знаю. Направляюсь через Збараж в Волочиск.

- Так... Сейчас вы с орудием поступаете в распоряжение майора, который будет командовать сводной батареей для отражения атак приближающихся немцев. Вам надлежит вывести орудия вон на ту площадку и доложить майору. Вам все понятно? Действуйте, - капитан записал что-то в книжечку.

Два десятка разных орудий, в основном 76-мм пушек, поставили метров через десять-пятнадцать поперек дороги и фронтом на северо-запад. И своевременно: передовой отряд гитлеровцев на бронетранспортерах с несколькими легкими танками вышел на перевал и устремился к дороге. Неорганизованный поток наших войск был бы расстрелян и смят, коли б не эти двадцать пушек, если бы не этот инициативный генерал и решительный быстрый артиллерист-майор, командовавший свободной батареей.

Двадцать орудий, поставленные единым фронтом, - это большая сила. Когда хвост войск уходил по дороге на несколько километров, десять орудий по команде майора снимались и догоняли поток, выстраиваясь в том же порядке, и открывая огонь. Остальные под прикрытием этого огня догоняли уходящий хвост потока, и опять открывали огонь. Так они и отходили перекатами. Дорога была прикрыта, наступление немцев на какое-то время было задержано.

Они прорвались с севера. Сплошного фронта не было, были отдельные очаги активного сопротивления. В них упорно, иногда героически, дрались отдельные роты, батальоны, реже это были полки. Но фашисты, встретив упорное сопротивление, отходили. Имея хорошую маневренность и разведку с воздуха, они без особого труда находили разрывы между нашими войсками, и осуществляли свои планы. Здесь немцы прорывались с севера на Тарнополь, отрезая значительную часть 6 Армии. В тот день их передовые части подходили к Збаражу с северо-запада. В полной мере стало известно только теперь. А тогда штаб фронта, заметив этот маневр противника, не сумел противодействовать более всего из-за недостатка связи.

Пришлось сводной батарее стрелять и по танкам. Их было много. Майор решил перебросить орудия через реку, не дожидаясь, пока конец потока пройдет через мост.

Тихая, медленно текущая речка, небольшая, но вброд не перейдешь. Более высокий противоположный берег с обрывами по склону, поросшему кустарником. Стрелять по танкам было бы лучше с противоположного. Это правильное решение не всем еще было понятно: проезжать через мост, запруженный неуправляемыми войсками, было очень неудобно. Но в потоке войск нашелся еще один майор, он стал у входа на мост с пистолетом в руке, и, с трудом удерживая столпившихся, пропускал их в какой-то очередности. Зато движение через мост шло непрерывно и быстро. Майоры договорились, и пушки проезжали вне очереди. Большая часть пушек уже переправлялась на возвышенный берег. Отсюда их не видно и не видно, по кому они стреляют. Тревога и напряжение возросли до предела, когда в небе появились пикировщики и стали заходить на мост. Приходилось удивляться, что майору удается удерживать хоть какой-то порядок и движение через мост продолжается. Многие разъезжались и разбегались от моста, другие, еще надеялись проскочить, смотрели на майора, как на бога, со страхом косясь на приближающиеся самолеты.

Вой, грохот взрывов, рвущаяся земля, разлетающиеся балки моста. Юнкеры бомбят, пушки стреляют по танкам с того берега. Воспользовавшись этим, один танк сумел проскочить в мертвое пространство, где пушки его не видели, и мчался, стреляя, рыча мотором, грохоча гусеницами. Он опрокинул и смял пушку, разбросал, исковеркал два или три автомобиля. Самолетов уже не было, но был этот танк. Он мчался стальным чудовищем, изрыгал огонь и давил. Перед ним остатки войск и беженцев, еще не переправившихся через теперь уже разрушенный мост и не успевших разбежаться. Два красноармейца видели приближающуюся к ним громадину и связывали несколько гранат в связку.

- Держи, Митя, крепче, - проговорил один, обхватывая гранаты ремнем, стягивая его через пряжку. Он схватил за ручку готовую связку, выдернул чеку и, вскакивая, распоясанный бросился сбоку навстречу приближающемуся танку, метнул гранаты. Второй кинулся ничком в сторону. Грянул взрыв. Отползая и оглядываясь, тот, которого звали Митей, увидел, что с танка сползает гусеница, а он, продолжая еще двигаться, разворачивается. Бросивший гранату лежит. Он оглушен взрывом, а может быть убит. Танк наезжает на него другой гусеницей. Брызжет кровь и танк замирает, пораженный взрывом гарант, силой духа и мужеством погибшего воина. Башня танка еще огрызается пулеметным огнем, и кто-то в стороне падает сраженный. Шофер испорченного автомобиля подбегает со слитым в котелок бензином, выплескивает его на жалюзи и падает в траву, закрывая руками голову, отползая в сторону. Со свистом взрывается пламя, трещит что-то внутри чудовища, приоткрывается сверху люк, но падает обратно. Валил черный дым...

Неподалеку кипит уже работа. Стаскивают бревна, доски от разрушенного моста, борта от грузовиков. Действуют пилами, топорами. У майора теперь в руках топор. Щеголеватый капитан в хромовых сапогах, каким-то чудом сохранивших блеск, тащит с несколькими красноармейцами бревно и бегом направляется за следующим. Распоряжается всем техник-лейтенант сапер. Его все беспрекословно слушаются, и быстро составляется плот.

На плот погружают пушку, ее расчет, еще несколько солдат. Всклакивают туда майор с капитаном. Майор переносит девочку в синем платице, ей лет пять-шесть. Она кричит: «Мама, скорее, скорее!» Маму за руки перетаскивает, почти переносит капитан. Плот немедленно отчаливает, три красноармейца шестами направляют его через реку. Они торопятся: новая стая из шести юнкеров заходит над переправой. Четыре из них направляются на батарею, еще стреляющую с того берега, два пикируют один за другим

на плот. Бомба рвется вблизи плота. Всплеск воды и взрывная волна накрывают, почти опрокидывают плот, незакрепленная пушка соскальзывает в реку. Люди прыгают, стремясь к близкому уже берегу. Капитан допрыгивает даже до сухого места...

- Где девочка? - трое красноармейцев ныряют в воду, и вскоре один выносит ее на руках: «Пушкой зацепило». Все смотрят на девочку и всем ясно, что живой она быть не может...

Быстро выкапывается в мягком грунте могилка, быстро вырастает маленький холмик. Горе матери так велико, что она не может даже плакать...

Все стихает, майор садится на камень, стаскивает сапоги и выливает из них воду. Капитан, как всегда подтянутый, закуривает. Почти белый подворотничок чуть виден из-под гимнастерки. Он смотрит на женщину. Вид ее страшен. Мокрое платье прилипло к исхудавшему телу, а глаза!.. О страдании глаз трудно найти слова, только музыка по воле гения могла бы выразить страдание глаз матери, страдание и героизм народа, его великую борьбу за жизнь против насилия и несправедливости.

Прошло несколько минут и майор с капитаном поднялись по тропинке между кустами. Обезумевшая от горя женщина отказалась идти с ними. Они оглянулись. На том берегу четыре вражеских танка горели, три еще стреляли, а остальные устремились к опустевшей и разрушенной переправе. Там дымил еще догоравший фашистский танк. На этой стороне по длинной дороге во весь опор неслась последняя оружейная упряжка с пушкой. Ездовые, взмахивая руками, гнали вперед лошадей, справа по полю скакал на своем верном Жоме командир орудия сержант Яблонский. То справа, то слева виднелись разрывы снарядов, но пушка была уже далеко и скоро скрылась за перевалом. А здесь, на бывшей огневой позиции, осталось три разбитых орудия. Одно лежало вверх колесами и колесо покачивалось от ветра то в одну сторону, то в другую сторону мерно, как маятник часов, будто стараясь угадать судьбы ускользавших красноармейцев, провал молниеносной войны и нашу еще так далекую тогда Победу...

Левым, крайним орудием в сводной батарее командовал Яблонский. Стреляли по автомашинам, бронетранспортерам, не давая им приближаться. Но иногда автоматчикам удавалось подойти близко, и приходилось отбиваться картечью. Раз Виктору было приказано обстрелять две машины, пытавшиеся обойти наших по параллельной дороге, видной вдаль. Через три выстрела она загорелась. Наши оставшиеся орудия в это время снялись и выезжали на дорогу. Немцы были совсем близко. Подъехали ездовые с передком, подвели ему коня. Но полевая сумка? Она лежит в кювете у дороги. Это случайность спасла ему жизнь. Побежал за сумкой. Снаряд почти прямым попаданием перевернул пушку. Упали и забились в предсмертных судорогах кони. Засвистели пули, треск автоматов был совсем рядом. Пришлось убегать через пшеничное поле. Остался сержант без орудия и без своего верного Жомы, смиренного и послушного мерина.

Шел один среди чужих. Но вскоре повезло: уже за Волочиским, за старой границей, встретил большую группу своих из четвертой батареи. Их было человек 15-20, они ехали на подводах, и вел их старшина Дейкун. Ехали несколько дней, Запомнилось такое происшествие. Один из ехавших стал говорить о том, что все советское рушится. Это был основной смысл его тирады с нецензурной бранью. Когда Яблонский возразил ему, утверждая, то немцы будут разбиты, тот назвал его великим оптимистом. Кто-то сказал: «Вот бы встретиться после войны, и тогда бы было ясно, кто оказался прав». И действительно, нужно было иметь большую оптимистическую уверенность в победе справедливости, в победе нашего правого дела. Но такую уверенность имело достаточно много людей. Мы теперь знаем чем и как кончилась война. А в 41-ом было тяжело, особенно в самом начале. Часто мы бежали, многие в панике, кто-то и веру начал терять, но далеко не все. Тогда очень важно было сорвать блицкриг, уничтожить как можно больше их техники. Это мы делали и сделали неплохо.

Многим, как Виктору Яблонскому, довелось только отступать, но задача все же была выполнена - была сорвана запланированная Вермахтом молниеносная война, накоплены силы и умения для Победы.

Свой полк нашли, но орудий там оказалось совсем мало. Первым дивизионом командовал майор Матусевич, который еще капитаном был начальником школы младших командиров в Славуте и Шепетовке. В дивизионе осталось только два орудия, и командовали ими сержанты Ган и Лукьянов, потом догнало своих отставшее еще в западной Украине орудие сержанта Барабаша. Сержант намаялся за эти дни скитаний. Днем пришлось стрелять, отбиваясь от немцев, а к ночи, как обычно, нарочный привез приказ отходить. Уставший Барабаш на ходу прилег на лафет пушки и заснул, упал под колеса, и ему сломало две ноги. Барабаша отправили в тыл, а командиром орудия майор Матусевич назначил сержанта Серова, до того по собственной инициативе воевавшего одним из номеров в расчете орудия Гана.

Во втором дивизионе орудий было еще меньше. Был ли третий дивизион вообще? Яблонский стал воевать как пехотинец. Бои велись только оборонительные, и все они были успешными, ни разу здесь немцы не прорвали оборону, всегда атаки их бывали отбиты. Пушки часто стреляли прямой наводкой и даже картечью. Наша пехота перед орудиями была редко, и ее было мало. Но ночью по приказу отходили все дальше и дальше.

Один раз был организован ночной наступательный бой. Было это под Бердичевом и для немцев оказалось совершенно неожиданным. Они привыкли по ночам спокойно спать и в панике бежали, бросив большое количество техники. Виктор видел много машин, орудий, мотоциклов, танков и убитых немцев. Пленных днем привезли на нескольких грузовиках...

В дивизионе Матусевича был командиром взвода старший лейтенант, фамилия его не запомнилась. Нынешние школьники сказали бы про него: «Бык». Тогда рядовые и сержанты между собой называли его дубом, подчеркивая этим его твердую тупость и упрямство. Он очень не любил тех, кто умнее его, а такие были почти все. Однажды он расположил огневую позицию совершенно незамаскированно, и когда ему подчиненные указали на это, заявил, что и не нужно. В результате артналетом противника были разбиты передки и пушки Лукьянова и Серова. «Дуб» же спасая свою репутацию и мстя, доложил Матусевичу что-то такое, что тот заподозрил сержантов виновными в потере пушек. И хорошо, что случилось ночное наступление под Бердичевом. При этом прошли через свою бывшую огневую позицию, видели свои разбитые пушки. «Повезло Вам», - сказал майор Матусевич. А Серов снова вошел в расчет орудия Гана.

24-го июля Яблонский был ранен и эвакуирован в тыл с одним из последних эшелонов со станции Умань. Ранение было тяжелое, и воевать больше не пришлось.

И вдруг, совершенно неожиданно не стало полковника юстиции в отставке Виктора Сергеевича Яблонского, человека трудолюбивого, принципиального, добросовестного, но прежде всего скромного и доброго. Он пошел в кино и там умер. По-видимому, его слишком волновали судьбы людей на экране. Его всегда волновали судьбы человеческие.

В восьмидесятом году я возвращался домой в Алма-Ату. Мне удалось несколько дней провести с друзьями в Куйбышеве. Мы еще в сороковом, предвоенном, окончили школу младших командиров в Шепетовке и служили в двух артиллерийских полках 141-й стрелковой дивизии.

Прошло много лет, и нас теперь называли ветеранами. Но нам казалось, что это было недавно, хотя многое вспоминалось только совместными усилиями. Нам хорошо и просто было в эту встречу друг с другом, легко говорилось, вспоминались предвоенные времена в Шепетовке и первые дни войны. Мы тогда особенно поняли, как трудны были эти первые дни и даже, как трудно о них вспоминать!

Я откинулся в удобном кресле, смотрел на глубоко внизу клубящееся море облаков и вспоминал. Под приглушенный рев реактивных моторов передо мной в растревоженном воображении проплывали картины прошлого.

Служил я тогда в 3-ей батарее 2-го дивизиона 253-го ГАПа. Командовал батареей старший лейтенант Александров, человек с чуть прищуренными серыми глазами, лет 38-40. Мне он казался недоступным, требовательным и строгим, а требования его не всегда понятными и необходимыми.

Теперь я понимал, что Александров был неглупым и добрым человеком. В юности нам часто действия старших кажутся или ненужными или даже несправедливыми, а то и неумными, особенно если принуждают нас к установленному порядку.

Однажды, в сороковом году, я, младший сержант, был в наряде с двумя рядовыми красноармейцами. Все трое с красными повязками на рукавах в качестве патруля сидели на скамейке в зале ожидания на вокзале станции Шепетовка. Рядом сел какой-то гражданин лет сорока пяти с маленькими узко около носа вдавленными глазами. Он бойко завел разговор о том, о сем, и, между прочим, о сапогах. Сапоги у меня были новыми, но кирзовыми. Бывалые сержанты щеголяли в яловых, и это было предметом зависти для меня, 18-летнего Сережи. Наверное, об этом было нетрудно догадаться сорокапятилетнему проныре. На глазах младшего сержанта была прямо-таки написана детская доверчивость и простота. Теперь, глядя на свою тогдашнюю фотографию, я хорошо это понимал, но не мог вспомнить, какими словами гражданин убедил Сережу обменять с ним сапоги. Вскоре младший сержант стал обладателем хороших яловых сапог. Он был очень удивлен, когда помкомвзвода и старшина быстро показали ему расплывающуюся изношенность его приобретения.

- Вы сколько за них в придачу взяли? За торговлю казенным имуществом под суд пойдете! - говорил помкомвзвода старший сержант Солонин.

Ведь мне придется это дело в трибунал передавать, - сказал старший лейтенант Александров.

Трудная это была для Сережи зима. Он все ждал разрешения этого дела с сапогами, но больше ему об этом никто ничего не сказал, только помкомвзвода ехидно спрашивал, хороши ли сапоги. Сапоги же и промокали, и мерзли в них ноги. Этой зимой младшему сержанту исполнилось девятнадцать лет.

Сергей Гаврилович, глядя на далекую внизу землю, подумал, что Александрову тогда не очень легко было защитить непутевого младшего сержанта от нападков старшины и помкомвзвода и не передавать дело в суд. Им, исправно служащим не первый год, этот «маменькин сынок из интеллигентов» был, конечно, неприятен, и по-своему они были правы. Особенно хорошо показала это война. Но говорить с младшим сержантом о жизни и воинской службе было бы полезно. Этого никто из них не сумел сделать.

Никто и потом, вплоть до того времени, когда Сережа сам стал командиром батареи, а случилось это на двадцать втором году его жизни, никто ему не сказал, что

командир должен заботиться о своих солдатах, как о детях, воспитывать и в бой вести. Сам Александров эту истину, конечно, понимал. Но от понимания для себя и до умения внушить, передать другим, еще немалый путь в развитии каждого человека. Сережа очень хорошо знал боевой устав артиллерии, ведение огня, подготовку данных, т.е., как говорилось, «умел стрелять», но хозяйства батареи и солдат он вести не умел, необходимость этого ему и в голову не приходила... И все это, не смотря на то, что к тому времени он был уже четыре раза ранен, лежал в госпиталях и даже успел жениться.

Новые сапоги Сережа получил 22-го июня, когда перед погрузкой их дивизиона на железную дорогу было приказано заменить всем поношенную обувь.

Второй дивизион 253-го гаубичного артиллерийского полка выгрузился утром 23-го июня в городе Золочеве, километрах в шестидесяти от Львова на восток. Гусеничные тягачи с красноармейцами на них тянули за собой двенадцать 122-миллиметровых гаубиц, на больших резиновых колесах катилось около полутора десятка автомобилей с разведчиками и связистами - все это на средней скорости и в полном порядке. Городок выглядел очень чистым, колонна проходила по главной улице. Магазины, фотографии, парикмахерские. Улицы оживлены, горожане одеты нарядно. Ничто пока не напоминало войны. Младший сержант Евдокимов любовался жизнерадостным городом и полной сил колонной своего дивизиона. Он был командиром отделения 3-ей батареи.

Через несколько дней эта батарея в первом же, крайне неудачном бою погибнет, перестанет существовать, и проезжая вместе с другими на грузовике, младший сержант остановится на холме перед Золочевом. Оглушенный, истерзанный недавно прошедшим боем, он будет наблюдать, как фашистские бомбардировщики рушат понравившийся ему город. После бомбежки полуторка сразу поедет, с трудом пробираясь по улицам, заваленными грудями камня, стекла, обломков мебели. Сереже на всю жизнь запомнятся и особый пыльно-дымный запах только что разрушенных домов и безучастный, больно обвиняющий взгляд старика вслед уходящей машине...

Но пока этого еще не случилось. На окраине Золочева после почти парадного марша через город колонна дивизиона выезжала мимо последних хаток на холм с вековым сосновым бором. На тот самый холм, с которого позже Сереже придется наблюдать бомбежку города. А сейчас он залюбовался тремя изящными, еще не виданными самолетами. Они шли из-за леса навстречу. С останавливающимися машин стали соскакивать и разбегаться красноармейцы. Никакой команды здесь, к концу колонны не было слышно. Да и была ли она вообще: никто в колонне еще никогда не видел немецких бомбардировщиков, а город был таким успокаивающе мирным. Сережа потом, сколько ни вспоминал, не мог понять, почему он соскочил, почему спрятал свою голову на бугорок под плетень?! Фашистские бомбардировщики колонну заметили поздно, не успели развернуться на неё, хотя несколько бомб все же сбросили и зажгли крайнюю хату на окраине. Это были первые взрывы, первый зажженный дом, огонь и дым пожара. Но дивизион не пострадал, все быстро сели по местам и двинулись на большой скорости, хотя еще в полном порядке. «Зачем он хату подпалил? Там же люди живут!» - сказал красноармеец Калинин, усаживаясь на свое место. Он не шутил. Лицо его было серьезно, было вообще не до шуток. Просто на самом деле мы многое не понимали в те дни.

Через сорок с лишним лет Сергей Гаврилович Евдокимов, вспоминая, подумал, что только теперь, прочитав не одну книгу об этом, он понял, почему произошло то, что он тогда видел, что рассказывали ему друзья. Но тогда всего не могли знать даже в штабе фронта, и никто не мог объяснить происходящего Сереже и его товарищам.

Артиллерийский дивизион, выгрузившись 23-го июня в Золочеве, как и весь 253 ГАП и вся 141 СД, входил в один из корпусов второго эшелона. Выброшенный вперед по железной дороге, он обогнал двигавшиеся пешим маршем части своей дивизии, искал и не

мог найти их в указанных местах. К сроку они не смогли попасть туда из-за бомбежек и обстрелов с воздуха, из-за отсутствия связи, из-за неразберихи.

Уже несколько дней колонна дивизиона была на марше. Младшему сержанту казалось, что направления их движения беспорядочны и иногда противоположны. Впрочем, Сережа не задумывался над этим, как и другие сержанты и красноармейцы. Разговаривали о плохих, размокших от дождей дорогах, об отставших машинах, орудиях и потерявшейся второй радиостанции отделения радио.

- Вы держитесь всегда с нами, товарищ младший сержант: гусеницы, они надежнее. С кем Вы теперь по своей радиации переговариваться будете? - посмеивались над ним.

- А где ваше третье орудие, хоть оно и на гусеницах? - в тон им спрашивал Сережа.

- Да Малахов, лодырь, ему лень копаться в моторе, содержать его в чистоте, исправности. Он знать-то его как следует не знает. Лень вперед его родилась.

- Сидит теперь весь расчет вместе с ним в грязи на дороге и сухим пайком пробавляется! Не велика радость.

- А ему хоть бы хны! С него, как с гуся вода.

Вторая радиостанция батареи была на полуторке взвода управления, и она завязла где-то. Хуже всего, что на этой машине были все катушки с проводами и телефонные аппараты батареи. Но этого мы еще не понимали.

Один раз было приказано развернуть радиостанцию. Долго младший сержант пытался войти в связь на указанной волне. На все голоса стрекотал эфир, но позывных, записанных у командира батареи, так и не удалось услышать. И снова двинулись куда-то уже заметно потрепанной колонной. Никаких боев еще не было и даже под обстрел самолета или бомбежку батарея еще не попадала. Мы еще совсем не знали, что такое война.

Однажды проезжали большую низину среди лесов, больше километра в поперечнике. Низина была затянута сизым дымом. Недавно здесь произошел крупный и яростный танковый бой. Тут и там лежали сгоревшие и разбитые танки, наши и немецкие. Было жутковато нам, но интересно: такого зрелища мы никогда не видывали, даже в кино. И пользу сумели извлечь. У нас у каждого был карабин (немного укороченная винтовка без штыка; так полагалось в артиллерии: штык мешал бы работать у орудия). Но было только по одной обойме, т.е. пять патронов на каждого. Мы лазили в разбитые семидесятки и Т-26, там были патроны в дисках пулеметов. Мы их набрали достаточно много.

Никто ничего не сказал, но прошла недопустимая по понятиям того времени мысль: «Немцы все же прорвались сюда! Их выбили обратно - это хорошо». Никто из нас не поверил бы, если б нам сказали, что немного севернее прорвались большие силы мотомеханизированных войск немцев и передовые их отряды были в это время уже почти под Шепетовкой. Мы еще были полностью во власти воспитанной в нас непобедимости. В мирное время все привыкли строго выполнять команды и приказы, действовать в рамках боевого устава. Много говорилось о личной инициативе, но фактически этому не учили, сами командиры не умели быть инициативными. На учениях команда следовала за командой, неотступное их выполнение строго контролировалось. Все были хорошо натренированы, каждый быстро и четко исполнял свое дело. Но войны мы не знали и оказались совсем не подготовлены к ней. Мы всегда учились только успешному бою; преимущества, успех противника, да просто своя неудача совершенно не предполагались.

Через четыре дня мотаний по дорогам было приказано занять боевые порядки. По-видимому, о противнике мало что было известно, по крайней мере, рядовым и сержантам не сказали ничего. Командир батареи старший лейтенант Александров указал место для огневой позиции и ушел занимать наблюдательный пункт с разведчиками, но без связи. Установили три гаубицы на краю пшеничного поля, раскинувшегося впереди на

километр. Слева тянулись белые украинские хаты, между ними будто шествовали высокие красавицы сосны в одиночку и друг за другом. Впереди за полем темнел лес, и уходила в него дорога, по которой ушел командир батареи.

Окопы рыть почему-то не стали, хотя на учениях это делали всегда обязательно. Евдокимова послали в батарею пушечного полка, занимавшего огневую позицию в полукилометре. Полк был на конной тяге и меньше пострадал от размокших дорог: ездовые лучше разбирались в своих лошадях, чем водители в тягачах и автомобилях. Сережа вскоре вернулся с двуколкой связи, с аппаратами и катушками. Он лихо, рысью развернулся вблизи старшего на батарее лейтенанта Колбнева. Их полк недавно был тоже на конной тяге - все они лошадьми управлять умели. Лейтенант повеселел, а связисты бегом потянули провод в сторону ушедшего командира.

Неожиданно скоро аппарат на том конце провода заработал: наших связистов обстреляли автоматчики и дальше идти им невозможно. До указанного на карте места они не дошли. За лесом стала слышна ружейная и автоматная стрельба, звуки ее приближались. Никаких команд лейтенант Колбнев ни от кого не получал. Тревога и напряжение на огневой позиции росли. Младшего сержанта и свободных теперь связистов поставили слева и справа в боевое охранение метрах в пятидесяти от орудий. Сережа стоял во весь рост и смотрел на росшую перед ним пшеницу, на лес за пшеничным полем и крепко держал свой карабин в руках, но совсем позабыл найти укрытие, за что спрятаться.

Все остальное пронеслось, как дурной сон... Перестрелка катилась уже по лесу и затем по деревне. Лейтенант Колбнев смотрел в бинокль и командовал:

- Первому! Прямой наводкой, прицел двадцать! Граната осколочная!..

По артиллерийской привычке он командовал громко. Еще громче повторял команды командир первого орудия сержант Козлачков. Кричал наводчик, кричал заряжающий. Со стороны могло показаться, что там скандал на базаре. На самом деле все действия имели строгий порядок, команды исполнялись четко и быстро, снаряды ложились в указанные цели. Но... редко достигался желаемый результат: враги были опытны, их почти не было видно, и в то же время они быстро продвигались по деревне.

Наших пехотинцев автоматчики выбили из села. Подтянули они и пушку. Или может быть, то был миномет: младший сержант тогда еще не умел их различать. Один разрыв с надлетом, другой. Но скоро снаряд разорвался вблизи первого орудия. Разбило прицел. Упал замертво отличный наводчик, весельчак и балагур. Командир какого-то орудия как-то странно стал оседать на землю. Когда лейтенант кинулся к нему, Козлачков содрогнулся весь и замер. Помочь было уже нельзя. Колбнев понял, остановился, сжав плечи, но сразу вскинулся, взглянул на второе орудие и ринулся бегом к нему.

Сережа очень волновался. Он понимал - бой складывается не в их пользу, но совсем еще не умел себе представить, что может произойти дальше. Он только что видел, что все получается совсем не так, как должно быть. Он очень хотел выполнить порученное ему дело, держал в руках свой карандаш и старательно искал глазами цель. Даже поднимался на цыпочки. У Сережи был страх перед надвигающимся противником, но пуль он почему-то не боялся. Эти пули косили вокруг колосья, но младший сержант не думал, что они могут попасть и в него. Ему совершенно необходимо было отыскать цель и выстрелить в нее. Стрелять он умел. На стрельбах стрелял отлично. Не промазал бы и теперь. А пули продолжали косить колосья...

Лейтенант испытывал гнетуще чувство вины перед добросовестно действующими красноармейцами, способными и честными, и теперь, непонятно почему, так бесславно гибнущими. Ему надо было что-то сделать. Второе орудие могло еще стрелять, он бежал к орудью... и на бегу уткнулся в землю, даже не выставив руки: он падал уже мертвый.

Младший сержант Евдокимов не видел этого, он все старался и никак не мог заметить уже близких автоматчиков. Вдруг все стало тихо! Замолкло все: ни криков команд, ни выстрелов гаубиц, ни трескучих автоматчиков. Он оглянулся на батарею - там уже никого не было. Все бежали к ближним хатам села и между ними. Побежал туда и Сережа. Никто их не преследовал. По-видимому, это не входило в планы, а скорее в возможности немцев. Осталось от батареи человек десять. Это меньше половины тех, что были на огневой позиции. Не разговаривая, шли они час или несколько часов пока не вышли на широкое, асфальтированное Львовское шоссе, оглушенные, раздавленные произошедшим. Сколько они прошли, и сколько прошло времени, никто из них не смог бы ответить. Никто ими не командовал. Сереже не приходило в голову, что он старший по званию, хотя помнится, других командиров не было. Все они, по-видимому, погибли. Оставшимся повезло, что они так просто оторвались от автоматчиков и вышли на шоссе, по которому мчались наши автомобили один за другим. Но они чувствовали себя приниженными, побитыми и старались не смотреть друг другу в глаза. Сейчас они не смогли бы сопротивляться врагу. Хорошо, что здесь его не было. Хорошо, что через несколько минут среди проезжающих полуторок одна оказалась из штаба их дивизиона, что их узнали, остановились. В кабине рядом с шофером сидел старший политрук. Сереже запомнилась шпала в петлице и звезда на рукаве.

И вот они снова в привычном положении - вроде бы под опекой. Их пятнадцать человек, они едут на своей машине. Путь их лежит через Золочев на Тарнополь...

Сергея Гавриловича через много лет после войны спросили: «Неужели у Вас тогда не появилось злости за убитых товарищей?» Трудно ему было ответить, когда у него появилась злость. Тогда, он помнил, его подташнивало, немного кружилась голова, как после болезни. Главное, было непонятно случившееся, до того непонятно, что хотелось плакать. Злости против вражеских солдат у них не воспитывали. В предвоенное время считалось, что народ, обманутый своими правителями, тем более фашистами, подавлен, запуган террором, и война должна открыть ему глаза, восстановить против своих угнетателей. Оказалось, все не так просто...

Вечером немецкие бомбардировщики на их глазах беззастенчиво бомбили Золочев, в котором и войск-то почти не было. На другой день утром полуторка штаба второго дивизиона с трудом продвигалась по Тарнопольскому шоссе. Его заполнял бесконечный поток перемешавшихся войск. Отдельные грузовики с красноармейцами, отдельные танки, конные повозки, шестерки артиллерийских лошадей с пушками за ними - все это неуправляемо, беспорядочно двигалось. То получалась пробка, и движение останавливалось, то вскачь неслись лошади. По обочине асфальтированного шоссе и рядом с ним тянулись вереницы беженцев. Одни везли тележки, коляски, другие несли на руках детей, дети постарше бежали тут же рядом. Беженцы торопились, иногда бежали, иногда, обессиленные, едва плелись.

В довершение сверху безнаказанный рев моторов. То и дело слышался предостерегающий крик: «Воздух!» Командой его назвать трудно: командовать этим стихийным потоком было некому. «Воздух!» - и машина останавливалась, все соскакивали, бежали в разные стороны, прятались в канаву, за бугорок, хоть за кочку. Вместе со всеми бежал Сережа и тоже прятался, за что придется. Теперь вопросов «зачем» никто не задавал, и младший сержант разобрался, как надо прятаться. Все равно каждый раз было страшно, но сознание действовало, не затмевалось страхом. Каждый раз становилось все обидней унижающее ощущение полной беспомощности. Со дна души поднималась ненависть к этим с ревом проносящимся разбойникам. Сережа даже несколько раз выстрелил из своего карабина навстречу несущемуся на бреющем полете мессершмидту, но безрезультатно. Пока что бомбы рвались где-то впереди и слышались глухие пулеметные очереди с нахальных мессеров. Их неуязвимость была особенно

страшна, беззащитность принижала красноармейцев. Но все сразу выскакивали, садились по местам, и, разобщенные, подавленные своей беспомощностью люди, двигались дальше.

Пришло время, пули и бомбы посыпались вокруг наших пятнадцати артиллеристов. В ужасе разбегались и прятались люди, метались в упряжках кони, сцеплялись и опрокидывались повозки, пушки, горели автомобили. Кричали женщины и дети. Солдаты только ругались, громко и страшно ругались. Но еще страшнее было все вокруг, удушливый запах крови и горелого мяса висел в воздухе!..

Полуторке с пятнадцатью военными все же посчастливилось проскочить невредимыми через всю эту сумятицу на шоссе. В Тарнополь они не поехали и на другой день утром нашли штаб своего полка южнее Шепетовки.

Многие надеялись тогда на укрепления старой границы, но использовать их не удалось. Все же к этому времени большинству двигавшихся вразброд удалось найти свои части, соединения, штабы, командиров. Управление войсками стало помаленьку налаживаться. Наступил жаркий солнечный июль.

Наталкиваясь на упорное сопротивление, гитлеровцы отходили. Сережа не понимал, почему приказано отходить ночью, хотя днем немцы успеха не имели. Он был назначен старшим радиотелеграфистом полковой автомобильной радиостанции, передавал и принимал цифровые шифрованные телеграммы.

У младшего сержанта осталось, надолго осталось приниженное гнетущее чувство побитого, разобщенного, позорно бегущего. Нужен был удачный бой, в котором привелось бы ему участвовать в победе, пусть совсем небольшой. Это перевернуло бы, в корне изменило дух, психику воина. Но такого боя для него так и не случилось.

Почему он остался жив? Просто случайность, одна из случайностей войны. Пуль много пролетало мимо, рвались близко и мины, и бомбы. Их было много, много пуль и осколков. Некоторые попадали в него, и он лежал в госпитале, выздоравливал, возвращался. В конце концов, после шестого ранения, тяжелой контузии, списали совсем, и он стал инвалидом Отечественной войны.

Мысли Сергея Гавриловича возвратились в настоящее. Как быстро пронеслись годы, как изменилось все вокруг! Тяжелое было время после войны, но молодость преодолела все. Да и тяжесть того времени по-настоящему стала понятна только теперь, а тогда представлялась обыкновенными буднями. И вот уж он седой ветеран, и чудесный самолет несет его над мирной землей вместе с полуторастами пассажирами. Он обедает, поглядывает в окно на облака, и мысли его снова уходят к первым дням войны.

Автомобильная радиостанция 5АК, в которой служил младший сержант, входила в штабную батарею 253-го ГАПа. В этой батарее вовсе не было никаких артиллерийских орудий. В нее входил взвод связи, разведчики, писари и все, кто служил в штабе и около него. Но не называть же ее ротой: ведь это не в пехоте, а в артиллерии!

В середине июля штабная батарея и штаб располагались на небольшой лесной поляне вблизи дороги, мощеной булыжником. Кажется, это было вблизи Бердичева. Когда Сережа был несколько вдали от своей радиостанции, объявили тревогу - танки! Все штабные машины стали быстро разворачиваться и выезжать на дорогу. Слышно было, как три выстрела сделала одна гаубица и замолчала. Потом выяснилось - не было снарядов. Но танки все же остановились и с небольшой высоты обстреливали дорогу и идущие по ней наши автомобили. Младший сержант успел вскочить в кузов четырехспаренного зенитного пулемета, установленного на трехосном ЗИСе. Он ехал вслед за радиостанцией, и Сережа смотрел на его крытый кузов. Танковые снаряды малиновыми огоньками обгоняли машину слева, сверху и справа. Один из них впился в правый верхний угол кузова и вырвал значительную часть этого угла. Потом хоронили одного радиста, другого отправляли в тыл раненого. Рация была иссечена осколками и окончательно вышла из

строю. 19 июля Сережу как безработного отправили вместе с группой других и со старшим техником-лейтенантом из боепитания на двух полуторках за снарядами. Путь их лежал через Винницу. Но в город уже вошла танковая разведка противника. Город большой, и надеялись проехать. Вблизи въезда на вокзальную площадь в лоб передней машине выстрелил танк. Он стоял посередине проезжей части, но никто его не заметил или не понял, что это немецкий танк - ни шофер, ни рядом с ним сидевший старший техник-лейтенант, ни лежавший вдоль правого борта кузова Сережа. Снаряд разорвался в кабине, Сережу ранило осколком в колено. Он успел уйти через дворы на соседнюю улицу и, убегая, видел, как танк стрелял во вторую полуторку, но она успела свернуть на боковую улицу и ушла. Какой-то винницкий гражданин помог сделать перевязку и остановить спешащий автомобиль с другими военными. Эта полуторка сумела избежать встречи с танками. Сережу перекладывали с машины на машину. Сильная мучающая боль в колене, мчащиеся автомобиле по дороге между поймой реки и железной дорогой. Справа батарея пушек ТФ-22 стреляла по танкам, видимым вдаль. Может быть, это была батарея той самой школы МКС 348-го АП? и те самые пушки? Ведь их было тогда совсем мало. Может, эти самые пушки и позволили веренице автомобилей промчаться по дороге и вывезти, в том числе раненых. Потом железная дорога, эшелон товарных вагонов, госпиталь в Запорожье, бред с высокой температурой и добрая пожилая нянечка, дающая красный стрептоцид - новое тогда лекарство. Позже, после войны, модницы им красили косынки.

Через несколько дней в шикарном новеньком санитарном поезде с подвешенными на пружинах кроватями-носилками, в блеске белой эмали и никеля эвакуировали Сережу в Дербент. Вообще, санитарно-медицинская служба в те первые трудные дни была организована хорошо, много лучше, чем взаимодействие войск.

Тихий тыловой город, в окно видны высокие горы, в окно напротив - бескрайнее море. С замурованной в гипс ногой младший сержант ездил на коляске с велосипедными колесами по палате, светлому коридору, открытой веранде. Милые заботливые сестры приносили на больших блюдах красивый вкусный виноград. Война, отступление, кошмар неудачного боя и Тарнопольского шоссе казались дурным сном. Огромная страна с горами, морями, виноградом и трудолюбивым доброжелательным народом казалась олицетворением справедливости, и победа казалась недалекой. Но до Победы были еще долгие и необыкновенно трудные годы.

253 ГАП и вся 141 СД в составе 6 Армии продолжали приближать Победу.

Командиром взвода - *неразборчиво в оригинале* - был лейтенант Головань, а помкомвзводом сержант Крок. Назначили его сразу после окончания полковой школы в Шепетовке, видимо потому, что он в школе был комсоргом и проявил себя хорошим организатором.

Леонид Аронович Крок живет теперь в Ленинграде и работает ведущим конструктором на знаменитом Кировском заводе. Он пишет мне интересные письма, и я позволю себе привести из них выдержки.

События настолько быстро сменялись одно за другим, что в памяти многое перепуталось. Сохранились тяжелые воспоминания о непрерывных боях, отражении атак в течение дня и ночных отступлениях. И днем и ночью, не зная тишины, отдыха и часто без пищи... Если бы только атаки наземных войск... Как досаждали нам безнаказанные налеты немецкой авиации! Нам, связистам, доставалось особенно. Любой ценой мы должны были устанавливать, поддерживать и сматывать связь. В противном случае в очередном бою не было бы связи штаба с дивизионами, пехотой и танкистами, когда последние все же были еще. Сколько раз нагруженные катушками и аппаратами, отстреливаясь, без прикрытия пробирались к своим. Во многих случаях нас выручала пехота и прямой наводкой наши гаубицы. Командир полка майор Секмедин проявлял о нас особую заботу. Ведь без связи полк неуправляем. Что и говорить, потери мы несли

большие. Но мы никогда не оставляли раненых товарищей. Здесь у связистов была полная уверенность. На растерзание врагу друзья не оставят.

Много раз из-под носа растерявшихся фрицев нас увозил бесстрашный водитель нашей полуторки, борта которой были изрешечены пулями и осколками. Вообще на машине не было живого места, но она жила, двигалась, благодаря стараниям опытного водителя. Как жаль, что не помню его фамилии - настоящий герой! А под местечком Комсомольск он нас вывез буквально под носом прорвавшихся танков. В этом бою мы все бы остались, если бы не меткая стрельба прямой наводкой наших батарей, заранее успевших переправиться через спасительную речку.

Не раз майор Секмедин и начальник штаба посылали меня на поиск пропавших батарей, дивизионов. В какие переделки только ни попадали мы вместе с сопровождавшими меня связистами! Как тяжело было в тех условиях поддерживать связь, не всегда мы успевали сворачивать ее.

Запомнилась гибель командира радиостанции Люльченко. Не уверен, что правильно запомнил его фамилию. Сражался он геройски в окружении. А может и уцелел. Бывало и такое. Снайпер он был отменный и фрицев уложил много. А может, он «замолчал» из-за того, что кончились патроны?

Последний раз видел майора Секмедина и его адъютанта где-то в начале августа. Я только с ним поздоровался, так спешил в составе сформированного стрелкового подразделения на указанные позиции. До этого видел в санитарной машине лейтенанта Довгань, нашего командира взвода. Он был тяжело ранен.

Были и радости побед. Особенно разгром крупной группировки, около двух дивизий, прорвавшихся в наш тыл. Как мы тогда ликовали!.. Время и место не помню. Конечно, добытый в тяжелых кровавых боях опыт помог нам группой вырваться из окружения.

Бои в окружении носили тяжелый и кровопролитный характер. Днем и ночью нас поливали огнем с земли и с воздуха. Когда боеприпасы стали иссякать, затихла наша артиллерия. Помощи по воздуху ждать было бесполезно и после многочисленных попыток вырваться, которые окончились неудачей, поступил приказ: прорываться группами. Украинская темная ночь и проливной дождь помогли нам совершить чудо и вырваться из огненного ада. Было нас человек тридцать. С боевым охранением немцев расправились без большого шума.

Так началась наша одиссея по тылам врага. Около трех месяцев среди чужих и «своих» врагов с помощью патриотов Родины - жителей на оккупированной территории, которые не дрогнули, не растерялись... Это был самый тяжелый период в моей боевой жизни... Гордость и радость вызывают воспоминания о ребятах нашего поколения, выстоявших в невероятных испытаниях. Нам помог исключительно здоровый ленинский интернациональный психологический климат. Ведь в условиях степной Украины, когда в каждом населенном пункте были не только патриоты, но и отдельные националистические предатели, которые впоследствии сомкнулись под знамена бандеровщины, предать, например, меня не представляло проблемы. Но этого не произошло, так как интернационализм довоенного ленинского воспитания молодежи в нашей многонациональной группе был в крови у каждого. Не сомневаюсь я и в современной молодежи. Вот почему сознание того, что на протяжении всей моей жизни меня окружали честные и преданные товарищи, наполняет мое сердце радостью и счастьем, и это обстоятельство безусловно сыграло для нас, молодых людей, комсомольцев двадцатых-тридцатых годов, решающую роль в том, что мы выстояли и победили! Рад и счастлив, что в то тяжелое время и я не дрогнул, и до конца выполнил свой священный долг перед своим Отечеством.

Необыкновенная радость встречи и восстановления связи с друзьями-товарищами - студентами Москвы 1939-го года. Как мало нас осталось от того сентябрьского эшелона, который катил нас на западную границу. Слишком велико было поле сражения от района города Броды до Сталинграда и обратно... Выстояли!!!

20-го марта 1985 г. выезжаю на встречу 3-ей ударной армии в Москву. В этой армии прошел боевой путь после Сталинградского госпиталя. Участвовал в боях в Подмосковье, в городах Белый, Ржев, Мценск, Великие Луки, Новосокольники, Невель, Режица, Рига, Курляндская группировка, Варшава, Берлин, Рейхстаг. Демобилизовался в июле 1946 г.

В 79-ом Сергей Гаврилович Евдокимов попал на ноябрьские праздники в Ленинград... Широкое слово. Широкая Нева. Близкое северное небо над Петропавловской крепостью и проспекты... Нет, проспекты оказались совсем не широкими, напротив - узкими. Все для меня было ново: и эти почти сказочные улицы с домами, построенными будто волшебниками, и мосты через Неву, Ростральные колонны. Под колонной с севера сидит огромный варяг с могучей мускулатурой и седой всклокоченной головой, а с южной стороны прекрасная гречанка бесстрашно смотрит в морскую даль. Из колонн во все стороны выступают носы-ростры кораблей, плывущих из Варяг в Греки. Дворцовый мост, ширина Невы перед Зимним, дворцовая площадь и на ней Александрийская колонна - величественное, прекрасное сооружение в ознаменование победы над Наполеоном.

Весь этот путь Сергей Гаврилович прошел с праздничной колонной демонстрантов и, узнав, что он из Алма-Аты, рассказали, видимо всем ленинградцам известный, анекдот:

«Старый русский иммигрант побывал недавно туристом в Ленинграде. И спрашивают его бывшие вечером за карточным столом:

-Ну, что, княженька, как там в Питере?

- А как? Да, все так же! Александринка спектакли дает. Островского, Чехова... Очень прилично дает! Мариинка поет и пляшет Чайковского и Глинку... Хорошо поет, отменно пляшет!..

- Александрийская колонна на своем месте стоит, и ангел-хранитель с крестом парит почти в облаках. Одно только и изменилось, что Романов из Зимнего в Смольный переехал».

Вечером салют. Над широкой Невой чувствовалась низкая облачность и некоторые ракеты уходили в туман, освещая его изнутри, и сыпались оттуда то красными, то синими искрами. Слева, на пяточке Петропавловской крепости, стоял ряд пушек с поднятыми высоко стволами. Они неожиданно изрыгали малиновое пламя, прокатывался мощный звук, слышался громкий треск ракетниц и сразу снопы ракет разноцветными огнями летели над Невой вверх и вниз изящными дугами. Сказочно освещались мосты и далекий отсюда за широкой Невой Зимний дворец, военные корабли на Неве и против них, за Невой, сбоку видная Петропавловская крепость с 62-мя тревожно пылающими факелами по числу прошедших лет революции. Все плыло в огнях, меняло окраску, видимые формы. Почти фантастично и тревожно. Тревожно и очень торжественно. И каждый взлет огней сопровождался криком, что-то вроде «Ура!». Кричали многочисленные мальчишки - восторженный, лихой и простодушный народ. И не только мальчишки, наверное, каждому хотелось кричать вместе с ними.

Уже погасли последние ракеты. Пылают яркие факелы над Ростральными колоннами. Идут возбужденные толпы под ними. Юнцы, обнявшись и поднимая взоры к мятушемуся пламени, кричат: «Да здравствует коммунизм!». Пока это ироническая шалость. Но, подумалось Сергею Гавриловичу, может прийти время, когда этот крик станет вихрем необходимости, символом борьбы за жизнь. И это будет борьбой в значительной мере, а может быть, прежде всего, с сопротивлением, с консерватизмом, удобно плывущими по социализму.

Восьмого под вечер был у Крока. Он и его семья очень тепло меня встретили, и говорили мы до поздней ночи больше всего о войне. Кому что досталось, но всем, кто теперь жив из нас, 21-го года рождения, конечно, повезло. Он много рассказывал тогда: это была наша первая встреча. Выделю два рассказа. Один можно назвать: «Первый бой», подчеркивая этим важность происшедшего. Второй - «После окружения».

Первый бой

Вначале, как и всем, было очень трудно и совсем непонятно, что произошло и почему отступаем. Взводу связи при отступлении приходилось сматывать связь штаба полка. Оказывались они иногда после всех, даже позади немцев, привыкли к этому и не считали окружением.

Однажды случилось нечто, послужившее толчком, отправным моментом - и очень важным - в их становлении настоящими солдатами. Сматывая провод, они услышали за собой шум моторов и спрятались в канаве и кустах у дороги. Из леса выехали два мотоцикла с пулеметами на колясках. Четыре солдата в гитлеровских касках, независимый вид победителей, решительное движение, устрашающий вид незнакомой и совершенной техники. Но они не заметили наших связистов. Среди этих связистов был один непутевый солдат. Он как-то нелепо отставал при исполнении команд, то вдруг выскакивал вперед. Не то он мечтателем был, не то засыпал. Вдруг этот непутевый без команды бросил гранату в приблизившийся к нему мотоцикл. И удачно. Остальные стали стрелять из своих карабинов.

Стрелять их учили, они умели стрелять и гранату бросать умели. Убивать им, конечно, не приходилось, это было противно всему складу их жизни, противоречило всему высоко человеческому смыслу их воспитания. Но тут в мгновение ока все четыре вражеских солдата были уничтожены. Никто из связистов не успел понять, как это произошло... Все стихло. Связисты поднялись, молча посмотрели на сраженных мотоциклистов, и пошли сматывать свой провод, унося свои аппараты...

Но они поняли, что фашистские солдаты столь же уязвимы, и стали теперь осмотрительны, осторожны; у них не возникало паники при встрече с врагами, сколько бы нахальным и непобедимым ни был их вид. Все это только зародилось, но теперь жило и росло в практике отступления и схваток. Взвод побеждал теперь сознательно в мелких стычках и сознательно уклонялся от крупных, непосильных ему встреч.

Вместе со своей дивизией и другими войсками эти связисты немного позже попали в Уманское окружение. Только совсем недавно Евгений Долматовский в своей «Зеленой Броне» сумел так хорошо описать случившееся, сумел показать, как совсем недаром гибли и попадали в плен бойцы и командиры окруженных армий, показать сколь большое значение эти бои имели в обороне Киева, для эвакуации промышленности и людей из городов юга Украины да и в крушении гитлеровского блицкрига.

Много тысяч войск попало в плен, но этот взвод и в плен не попал, и остались в нем многие живы, выйдя из окружения с оружием в руках.

После окружения

«Взвод связи вместе со своим полком, 253-м ГАПом, в составе 141 дивизии и с большим количеством других войск под Уманью попал в окружение. Были жестокие бои, пытались выйти из окружения все вместе, частями, но безуспешно. В конце концов, когда кончились боеприпасы, поступил приказ выходить группами. Вокруг опытного, небольшого ростом, с большими черными глазами сержанта Крока, которому было тогда всего двадцать лет, образовалась группа, ядром которой был его взвод связи. Группа

потом выросла до тридцати человек. Трудно было оставаться незаметными. Само собой сложилось, что сержант стал командиром группы.

Шли ночью, по два-три человека на расстоянии зрительной связи. Днем собирались вместе и спали в каком-нибудь перелеске или овраге. За продуктами посылали двух-трех человек, и те входили в населенный пункт, только убедившись, что там нет немцев. Немцы тогда стремительно наступали по Украине, рвались к Донбассу по большим дорогам, обходя все второстепенное. Свою администрацию и полицейских в населенных пунктах они еще только начали создавать.

За продуктами ходили все по очереди. Лёне доставалось ходить с красноармейцем Прониным. Тимофей Пронин, крупного сложения сибиряк с завидною силою в руках, хорошо дополнил щуплого сержанта. Военную форму при этом меняли на гражданскую одежду. Оружие прятали под одеждой, винтовок и карабинов с собой не брали.

Однажды Лёня с Тимофеем шли за продуктами и вблизи села встретили на опушке леса трех парней лет по двадцати пяти.

- Кто такие? - недружелюбно и с гонором спросил один из трех.

- Да так, идем, вот, ищем, где бы подработать.

Впрочем, вопрос и ответ были лишними: подобных им на дорогах было тогда много. И тех трех парней из села можно было не спрашивать: они почти наверняка ушли из своих частей и остались дома, то есть, честно говоря, были дезертирами.

- Немцы в селе есть?

- Сейчас, вроде, нет, но недолго и найти их. Приказано таких, как вы, задерживать, - угрожающе сказал все тот же.

Но Тимофей взял его за шиворот, осторожно, не торопясь, но так, что тот сразу же заулыбался.

- Что вы, товарищи, что вы! Мы ведь так, шуткуем.

- А ты, однако, дезертир?

- Ну, что вы, товарищи, мене ж не призывали, я больной!

Тимофей отпустил «больного» и все впятером сели на бревна, все еще не очищенные от коры. Лёня и Тимофей знали, что по селам идут рассказы, разговоры о большом и сильном отряде десантников в тылу у немцев, идущем по селам и карающем изменников. И на самом деле, например, им пришлось однажды расстрелять полицая, лютовавшего в селе; о нем рассказали возмущенные селяне. Разными дорогами шли и другие группы и из Уманского окружения, и остатки разных, потерпевших поражение частей. Молва и преувеличивала и объединяла все это.

Два других парня как-то сразу заговорили:

- Та вы ему не верьте. Он и на нас хоче донести, но мы отставшие солдаты. Немцы ему уже обещали его главным сделать.

Тимофей показал свой кулак:

- Вот видел? Как пристукну немного, черепок сразу лопнет. Потому, парень, сиди тихо: мы еще придем.

Для вящей убедительности Лёня, как бы невзначай, приоткрыл свой трофейный автомат.

- А теперь проводите-ка нас, где тут можно раздобыть чего съестного! - и впятером они отправились в село. Все сошло благополучно.

Другой раз, когда они подходили к какому-то селу, встретился им старый дед.

- Ни, хлопцы. Вы туда не ходите. Там е немцы. Хотя их и не багато. Нельзя туда вам ходить.

«Слышали мы и до этого, что немцы подогревают националистические настроения, - рассказывал мне Крок. - Вернулись мы в отряд, и под настроением от случившегося разбудил я всех и сказал, что надо решить важный вопрос, выбрать другого командира, а я

лучше пойду один, чтобы не подвергать всех опасности. И предатели из местного населения могут выдать, да и среди нас, мы ведь не знаем хорошо всех, может найтись кто-нибудь».

Получилось настоящее комсомольское собрание. Хотели даже протокол писать, но раздумали: было опасно носить с собой такую бумагу. Выступили все. Говорили, что нечестно отпускать одного, что вот тогда-то он как раз и попадет, что они вовсе не боятся. А один, самый старший, ему было лет за тридцать, сказал: «Стыдно тебе, товарищ командир, мы тебе верили все, все шли за тобой, вместе все делили, а ты хочешь остаться один. Не годится это, надо идти вместе».

«Просил я у них прощения, - рассказывал мне Крок. - Никогда ни до, ни после не видел такого активного единодушного собрания».

Шли сначала на Одессу. Слышали, что там наши крепко держатся. Но однажды встретились красноармейцы из Одессы и рассказали, как ее сдавали. Поверили и повернули на север: там леса, удобнее. Но к востоку тоже сдвигались все время. Вышли к Днепру, недалеко от Киева. Нашли перевозчика старика.

- Диду, перевези нас, мы може и найдем, чем заплатить.

- Та шо там, диты, и так перевезу. Я уж многих перевез и вас перевезу. А сколько вас буде?

- А сколько сразу ты перевезти можешь?

- Та тилькы по два: мала у мене лодчѐнка.

- Ну, перевезешь всех, тогда и сосчитаешь.

- Пусть буде так. Приходите вон туды, як стемние.

Переправу начали ночью. Перевезли сначала Лёню и Тимофея. Подождали они еще двух, чтобы не отрываться и пошли по лесной хоженной тропинке вдвоем. Шли они первыми, и оружие у них было спрятано. Прошли-то немного, немцы с автоматами вышли из-за кустов: «Хенде хох!». Сопротивляться было поздно. Повели. Шли недолго и пришли в лагерь, где было собрано много таких же бредущих на восток в форме и в гражданском. Видимо, дорожка эта, да и другие дороги, немцам были известны.

Понятно, что немцы стремились препятствовать возвращению в строй такого многочисленного и получившего ценный опыт пополнения. Вместе с тем они были еще слишком самоуверенны, да и торопились: сроки плана их наступления давно были нарушены, высокое начальство было недовольно. Этим, по-видимому, следует объяснить, что охрана лагеря была организована плохо. Солдаты охраны, видимо, считали это не их делом, вот и при задержании не обыскали, не отобрали оружия.

Лёню и Тимофея отправили к спящим на поляне под открытым небом. Благо в этих местах в сентябре было тепло даже ночью. Некоторые еще не спали. Стали говорить, кто откуда, из каких частей, как сюда попали. Тимофей опять оказался старше других, от этого, наверное, он прежде обратил внимание на то, что порядка в охране лагеря нет, но, скорее всего, это временно. Поэтому надо бежать как можно скорее, лучше всего сразу же. Рядом был часовой охраны, соседние посты далеко и, если убрать этого без выстрела...

Еще трое решили действовать вместе. В темноте все пять были по возможности близко от намеченного места. Часовой ходил недалеко. Тимофей направился к нему. Остальные будто спят, а сами смотрят, что будет. Сердца стучат так, что, кажется, часовой их сейчас услышит. Вот он заметил приближающегося Тимофея и что-то громко сказал ему. Тимофей стал делать какие-то странные знаки руками. Часовой, не понимая, остановился, расставив широко ноги и положив руки на автомат. Тимофей подошел совсем близко, а часовой был в замешательстве и не мог понять, в чем дело. Резкий прыжок вперед, левой рукой схватился за автомат, а правой нанес свой знаменитый удар по голове. Немец упал. Тимофей с его автоматом, пригнувшись, побежал к нам и махнул рукой. Через несколько минут все пятеро бежали по тропинке в лес. Почти сразу их

окликнули свои. Вся группа Крока была здесь и собралась нападать на охрану, хотела во что бы то ни стало освободить товарищей. Теперь все быстро, сначала бегом, стали уходить подальше от опасного места. Позади слышался шум разбежавшихся пленных и стрельба.

Много еще бед пришлось пережить. Через линию фронта перешли в конце октября на Донбассе. Немцы их при этом так и не заметили. А вот свои открыли огонь. На это выходявшие из окружения ответили таким крепким матом, что огонь сразу прекратился: так ругаться могли только свои.

«Немного поев, я уснул, - рассказывал Лёня. - И спал еще двое суток, да и остальные тоже. Потом мы мылись в бане. Нам дали хоть и плохенькое, но чистое обмундирование. Нашу одежду пришлось сжечь».

Мы наконец были у своих. Стало спадать то необыкновенное, невероятное напряжение, на котором мы все держались, особенно последние дни. И вот я почувствовал, что ноги у меня становятся, как ватные, не слушаются меня. Так я попал в госпиталь в Ворошиловграде и затем в Сталинграде, и лежал там целый месяц, пока не мог снова ходить. Оказалась контузия. А из госпиталя - на Западный фронт».

За завтраком мы снова говорили, и не было конца нашим воспоминаниям. Потом Лёня показывал мне Ленинград, как истинный патриот этого великого города.

Было это в семьдесят девятом, а через четыре месяца мне удалось побывать у двух других сержантов Шепетовской школы. Я возвращался из Куйбышева в Алма-Ату и вспоминал тяжелое лето сорок первого. У пожилых людей бывают такие минуты и часы, когда перед взором проходят яркие минуты прошлого. Это очень утомляет, и я отрешенным взглядом смотрел на приближающиеся снежные вершины Заилийского Алатау. Самолет заходил на аэропорт с востока. За окном далеко внизу проплыл поселок двух институтов Академии наук. Там я живу и работаю. И как это хорошо, что через сорок лет после того июня сорок первого можно видеть горы, вдыхать запах цветов, и волноваться по поводу выяснившихся в лабораторных испытаниях просчетов, искать причины и находить решения. Как хорошо, что можно жить!